

21 АВГУСТА ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА АНДРЕЕВА

Леонид АНДРЕЕВ.

Гравюра Н. КАЛИТЫ

О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ

Павел ЛАЗОВСКИЙ

РЕДИ русских писателей конца XIX — начала XX века можно назвать немногих имен, чьи произведения до глубины души волновали бы и тревожили умы современников.

К числу таких художников слова следует, несомненно, отнести Леонида Андреева: по силе воздействия на чувства читателей у него мало было соперников.

Годы детства, отрочества и юности Андреева совпали с отравленной, безотрадной атмосферой восьмидесятых годов, с так называемой «мертвой эпохой», которая породила у многих интеллигентов неверие в силу жизни, в активность народных масс.

Но ко времени окончания Андреевым Московского университета (1897 г.) в обществе почувствовалось оживление, началась полоса борьбы. Идеи рабочего класса, идеи гражданской свободы, свободы личности, ее права на свободное самоопределение все резче выдвигались и в жизни, и в искусстве. К этому времени относится и вступление Леонида Андреева в литературу.

Обладая дарованием редкой стихийной силы, безграничной фантазией, богатым воображением и неистощимой тематической изобретательностью, Леонид Андреев в своем творчестве прошел сложный, противоречивый путь, испытал глубокую идейную эволюцию. В его произведениях преобладало то реалистическое изображение общественной жизни, звучали гимны революционному движению, то ощущалось непонимание тех путей, которыми шла история, проявлялся болезненный интерес к проблеме смерти, звучало неверие в разум человека, в возможность социального переустройства жизни.

И все же, несмотря на противоречивость и неустойчивость своих политических позиций, Леонид Андреев был чутким выразителем умонастроений различных групп и классов России, по-разному относившихся к неизбежному социальным преобразованиям страны.

Баргамот и его жена угощают босяка, величают его по имени-отчеству. Гараська поражен таким отношением к себе, из его груди вырывается жалобный вой: «По отчеству... Как родились, никто по отчеству... не называл...»

«Чувствительный, со слезой», этот рассказ о «бывшем человеке» был замечен Горьким, который с радостью приветствовал молодого писателя. Между ними установилась переписка, вскоре перешедшая в личную дружбу.

В своей автобиографии Леонид Андреев благодарно отмечал:

«...пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому. Он первый обратил серьезное внимание на мою беллетристику (именно на первый напечатанный мой рассказ «Баргамот и Гараська»), написал мне и затем в течение многих лет оказывал мне неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом. В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя как для писателя величайшим счастьем...»

В произведениях Андреева начальной поры его творчества отчетливо звучал протест против бесчеловечности капиталистического строя, против угнетения и эксплуатации трудового народа. Писатель воспевал новое поколение молодежи, идущей «в массы», сражающейся и гибнущей на баррикадах и своим примером увлекающей других на борьбу с царящим злом и произволом (рассказ «Марсельеза»); вызывал сочувствие к усталому, обремененному жизнью одинокому человеку (рассказы «Петка на даче», «В подвале», «Ангелочек», «На реке», «Валая», «Жили-были» и другие).

В некоторых рассказах Андреев пытался не только ставить, но и разрешать общественно значимые вопросы («Праздник», «Весной», «На реке»). Однако в дальнейшем он отказывается от ответов и ставит лишь одни вопросы. Вся его философская, для многих непонятная символика, до самых последних вещей, будет представлять собой одни вопрошательные знаки, поставленные над основными жизненными ценностями. Скованный односторонним, узким взглядом на социальную действительность, Андреев не в состоянии был осмыслить им же самим затронутые социально-политические проблемы.

В своих фельетонах, которые он подписывал псевдонимом Джемс Линч, Андреев клеймил

затхлый, пошлый мир мещанского существования, обрушивался на скептиков, эгоистов, интеллигентов, уклонявшихся от дела служения революции.

Каждый рассказ Леонида Андреева был литературным событием, вызывал оживленные споры в обществе и печати. Одни восхищались, другие негодовали. Одни ставили его имя рядом с именем Максима Горького, другие громкую и неожиданную славу Андреева объясняли «капризами моды».

Максим Горький, возмущаясь необоснованными и бездоказательными нападками на своего друга, отзывался о нем, как о художнике «редкой оригинальности, редкого таланта» и предостерегал, что «в истории русской литературы за ним навсегда останется место одного из оригинальнейших художников».

Лев Толстой, которому Андреев послал первый сборник рассказов, вышедший в 1901 году, с интересом прочел их и ответил автору: «Благодарю вас, Леонид Николаевич, за присылку вашей книги. Я уже прежде присылки прочел почти все рассказы, из которых многие очень понравились мне».

Но Толстой не только прочитал, он заинтересованно перечитывал многие рассказы Андреева и продолжал внимательно следить за его дальнейшей литературной деятельностью. Признавая большой талант Андреева, Толстой вместе с тем считал крупным недостатком писателя поспешность, неряшливость письма, искусственность его художественных приемов, отсутствие чувства меры и самокритики.

Работая над рассказом «Жизнь Василия Фивейского», Андреев писал в сентябре 1903 года Горькому: «Я много думаю о жизни и о смерти и чувствую в них глубокую тайну, но отношение мое к этой тайне, как к опущенной занавеси: хочется приподнять ее, а никак не залезать по ту сторону, в темноту, и там чревоурачливаться».

Вспыхнувшая в январе 1904 года война с Японией произвела на Андреева удручающее впечатление. Он откликнулся на это трагическое для русского народа событие рассказом «Красный смех», выступив здесь страстным противником «безумия и ужаса» кровопролитной, развязанной царским правительством, в интересах самодержавия и российского империализма, войны. В противовес шовинистической военной литературе, этот рассказ был первым художественным произведением, направленным против войны как таковой. Вопросы о том, кто виновник ее и каковы могут быть ее последствия, в рассказе не затрагивались.

Но сам автор задумывался о последствиях войны, о новых задачах литературы. Мысли свои он высказал в письме к директору-распорядителю издательства «Знание» К. П. Пятницкому:

«Одно верно: мне, Скитальцу, Вересаеву и многим другим придется делать свою литературную «карьеру» почти сызнова — глубоко уйдет в прошлое то, что было до войны. И читатель будет новый, и требования у него будут новые, и песни ему нужно петь новые, и благо тому, у кого есть слух и голос. Очень для многих из нас еще во цвете лет сущих — начинается уже история... И тем, кто от жизни — будет сладко, а тем, кто от смерти и разрушения, как я — придется солоно».

Успех «Красного смеха» был огромный. Читатели не искали в нем правдоподобия военных событий, рассказ поражаил страстностью своего протеста против преступного массового истребления людей. Вместе с тем уже здесь, в «Красном смехе», равно как и в «Жизни Василия Фивейского», прослушиваются нотки пессимизма, анархического бунтарства, отвлеченного — внесоциального — гуманизма.

Обострившаяся в результате неудачной войны революционная ломка привычных и обжитых устоев общества, нараставшее в стране освободительное движение отразилось и на судьбе писателя. Андреев стремился войти в круг людей, участвующих в революции, быть чем-то полезным им. Чувства любви и мучительного сострадания к народу определили симпатии и тягу Андреева к социал-демократам, наиболее последовательно отстаивавшим интересы трудящихся масс.

По просьбе видного деятеля партии большевиков И. Ф. Дубровинского Леонид Андреев предоставил свою квартиру для нелегального заседания Центрального Комитета партии. Об этом проведана царская охранка. 9 февраля 1905 года полиция нагрянула в квартиру писателя, произвела обыск, захватила конспекты программы революционизирования народных масс и черновик воззвания к рабочим о вооруженном восстании и свержении самодержавия. Леонида Андреева, девять членов Центрального Комитета во главе с Дубровинским и писателя Скитальца аресто-

его характер и мировосприятие. Андреев поддался унынию и пессимизму. Недовольство жизнью у его героев сменяется пассивностью или анархо-нигилистическим бунтом (пьеса «Савва», 1906; рассказ «Тьма», 1907; «Царь Голод», 1908; «Сашка Жегулев», 1911). В цикле философских драм («Жизнь человека», 1906; «Черные маски», 1908; «Анатема», 1909) проповедовались реакционные взгляды, в них содержалась мысль о бессилии разума, идея торжества иррациональных сил; они знаменовали собой, таким образом, отступление писателя от гуманистического пафоса русской литературы, от ее реалистических традиций.

Горький резко выступил в печати против этих тенденций Андреева.

Отношения двух художников, горячо любивших друг друга и горячо споривших по волновавшим их общественно-политическим вопросам, непоправимо обострились. В их отношениях образовалась глубокая пропасть, через которую уже невозможно было перебраться соединяющие мостки. Их де-

вахи и заключили в Таганскую тюрьму. Леониду Андрееву предъявили обвинения в составлении воззвания, которое было написано почерком, очень похожим на его почерк, хотя арестованные и доказывали, что автором воззвания Андреев не является.

В течение шестнадцати дней тюремной «отсидки» Андреев беседовал со многими заключенными в то время в тюрьме революционерами, обсуждал с ними различные политические вопросы.

25 февраля он был освобожден под залог в 10 тысяч рублей, которые внес за него известный фабрикант и меценат Савва Морозов.

По выходе из тюрьмы Андреев в письме к В. Вересаеву на фронт, в Маньчжурию, писал:

«Не знаю, в каком виде доходят до вас события, вероятно, значительно смягченные, и знаете ли вы, что в России действительно революция. Несомненно баррикада, бывших в СПб. 9 января, к весне или лету превратится в тысячу баррикад. В России будет республика — это голос многих, отдающих себе отчет в положении дела...»

Весной 1906 года Леонид Андреев уехал в Финляндию. Там он вел себя политически активно: выступил на массовом митинге, был на съезде финской Красной гвардии.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) имеется несколько секретных донесений о «крайне возмутительной деятельности литератора Леонида Андреева».

Финляндское жандармское управление с тревогой доносило 10 июля 1906 года министру внутренних дел Столыпину о том, что прибывший в Гельсингфорс литератор Леонид Андреев произнес на народном гулянии в городском саду речь «крайне возмутительного содержания», протестовал против распускания Думы*, находя это незаконным и нарушающим права народа и заявляя, что Дума добровольно не разойдется...

Из Финляндии Андреев с женой и сыном уехал за границу. Там, в Берлине, в конце ноября 1906 года умерла жена и друг Андреева — Александра Михайловна. Эта личная драма писателя и острые переживания, связанные с поражением революции, резко повлияли на

десятилетняя дружба отошла в область прошлого, настоящее воздвигло между ними, по словам Горького, высокую стену непримиримых противоречий.

В одном из последних писем Горького, посланных Андрееву из Италии, есть такие строки: «Разошлись же — и расходимся все далее — мы с тобой не потому, что у нас не возникли личные отношения, а потому, что они не могли возникнуть. Нам казалось, что они возможны, но мы ошибались. Слишком различны мы...»

Последнее крупное произведение Леонида Андреева — роман «Дневник Сатаны» — написано под влиянием мировой войны 1914 — 1918 годов и начавшейся в России революции. Сюжетом для романа послужила гибель американского миллиардера Альфреда Вандербильта, направлявшегося в Европу на пароходе «Лузитания». Пароход был потоплен в мае 1915 года немецкой подводной лодкой.

В лице Вандергуда Андреев хотел показать состояние охваченного безумием капиталистического мира, чувствующего неизбежность своей гибели.

Вместе с тем в романе содержится все та же андреевская тема: попытка выразить не поддающиеся разуму «вечные вопросы» жизни и смерти.

В последние годы жизни Леонида Андреева судьба родины очень волновала и страшила его. Он испытывал великую муку любви к ней, и этой муки не выдержало его больное сердце.

Умер он в сентябре 1919 года в Финляндии, ставшей после Октябрьской революции самостоятельным государством. Умер в полном духовном одиночестве в деревне Нейвала, на чужой даче.

Несмотря на реакционно-мистический характер произведений Андреева, написанных после охватившей в 1907 году Россию реакции, несмотря на политические ошибки, метания и заблуждения писателя, приведшие его к трагическому финалу, нельзя сбросить со счетов положительного значения его реалистических произведений, обличавших буржуазное общество. Нельзя забывать также и того, что было время, когда к его протестующему голосу прислушивались молодые, здоровые силы страны. И место, которое занимает в русской литературе художественное наследие Леонида Андреева, дает ему право и в наши дни на внимание советского читателя.